

УДК 391.2; 392.51

**КНУТ В СОСТАВЕ КОСТЮМА МУЖЧИН –
СВАДЕБНЫХ ПОЕЗЖАН НА ЧУВАШСКОЙ СВАДЬБЕ
(К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ И СИМВОЛИКЕ ПРЕДМЕТА)**

© И.Г. Петров

Среди обрядов жизненного цикла свадебный обряд является одним из ярких проявлений традиционной культуры. В нем принимали участие большое число свадебных чинов, у которых были свои определенные обязанности и функции. Поэтому традиционную свадьбу не случайно сравнивают со сложным и ярким обрядово-драматическим или театрализованным представлением.

Характерной особенностью данного ритуала является также то, что большое место в нем занимают различные магические и символические действия, которые были направлены на гарантирование благополучного начала и завершения свадебной церемонии, надежную защиту его участников от сглаза, порчи и других нечистых сил, обеспечение молодым богатства и благополучия. Своими корнями такие магические действия уходят в толщу тысячелетий и имеют тесную связь с древнейшими религиозно-магическими представлениями народа. Несмотря на глубокую архаику, многие из них продолжают бытовать в настоящее время, однако их первоначальное значение и смысл теперь во многом забыты и не всегда адекватно осознаются и объясняются современными информантами и участниками свадебного обряда. В течение веков многие из них, утратив свой первоначальный смысл, превратились в игру, увеселительные или потешные действия.

Цель настоящей статьи – рассмотреть в контексте свадебной обрядности чувашей ритуальные действия, функции и семантику кнута. Ранее данный предмет материального быта являлся обязательной принадлежностью участников свадебного поезда жениха, в особенности мужчин: жениха, старшего и младшего дружки, а также неженатых юношей или друзей, составлявших свиту молодого. На основе обобщения литературных и архивных источников отмечается, что кнут в свадебном цикле чувашей выполнял не только утилитарную, но и знаково-символическую функцию. Он служил атрибутом свадебных персонажей, выступал оберегом и средством защиты от нечистых сил, являлся одним из главных предметов для организации и проведения тех или иных обрядов.

Ключевые слова: чуваша, свадебные обычаи и обряды, участники свадьбы, предметно-вещная среда, знаковые функции.

Обряд, как известно, представляет собой достаточно сложный синтез различных компонентов: религиозных верований и представлений, устно-поэтического творчества, декоративно-прикладного искусства и др. Важное место в нем занимают предметы материальной культуры: пища, одежда, украшения, жилые и хозяйственные постройки, бытовые предметы. Включаясь в тот или иной обряд, они языком знаков и символов подчеркивали наиболее существенные моменты ритуала, раскрывали его внутреннее содержание и сущность, а иногда становились обязательным атрибутом ритуального действия [1, с. 109].

В статье рассматриваются ритуальные функции и символика кнута (*нухайка*, *нухайкка*, *нухайкка*, *чӑпӑрка*, *пушӑ*, *туй пушиши*,

саламат), который, по описаниям старинной чувашской свадьбы, занимал особое место в костюмном комплексе свадебных поезжан. Литературные, архивные и др. источники показывают, что данный предмет материального быта являлся обязательной принадлежностью жениха и других главных свадебных персонажей, которые назначались родителями жениха из родственников и потом ехали впереди свадебного поезда. Прежде всего это были старший дружка (*мӑн кӑрӑ*), младший дружка (*кӑӑӑн кӑрӑ*), а также дружки жениха из числа холостых парней (*нуса каччисем*, *кӑрӑ нӑкерӑсем*, *кӑрнекӑрсем*). В подтверждение сказанному приведем несколько примеров. Вот как описывает одевание жениха в середине XIX в. В.А. Сбоев: «Жених наряжается в лучшее свое

верхнее платье, на голову надевает теплую шапку, хоть бы то было в самое жаркое время, на шею – бисерное ожерелье; без рукавиц ему также нельзя обойтись, а без увесистой нагайки – и подавно» [2, с. 32]. Об обязательном наличии нагайки у жениха можно прочесть в небольшом исследовании В.И. Михайлова: «Молодой запрягает пару лошадей, одевается в полукафтанчик, берет шапку и рукавицы, через плечо вешает полотенце или красный платок, берет в руки кнут и сажает с собой мункрю (дружку) и кизень крю (полдружку)...» [3, с. 17] (рис. 1). Кнут также упоминается в составе костюма старшего дружки [4, л. 152–153], младшего дружки [4, л. 153], а также дружек [5, с. 208–209; 4, л. 153–154].

Говоря о наличии кнута у жениха и других свадебных поезжан, можно предположить, что он применялся для практического (утилитарного) использования, т.е. как средство для понукания лошадей. И такое предположение действительно похоже на истину. Потому что в прошлом, судя по старым описаниям чувашских свадеб, указанные выше свадебные чины большей частью передвигались верхом, а остальные свадебные поезжане на обычных повозках. Однако назначение кнута одним только практическим его использованием как средства управления лошадью не ограничивалось. Как показывают материалы, круг его применения был гораздо шире и многообразнее.

Как уже было отмечено, кнутом вооружались исключительно главные свадебные поезжане со стороны жениха, в основном дружки. У других участников свадебной процессии он отсутствовал¹. Это позволяет говорить о маркирующей функции кнута. С одной стороны, данный атрибут объединял участников свадьбы в одну социальную группу или касту главных свадебных поезжан, а с другой – выделял их среди остальных участников свадебного ритуала, дела их легко узнаваемыми.

Другой важной функцией кнута являлась функция оберега или очистительного средства, призванного отогнать и нейтрализовать дейст-

вие нечистых сил. Его символика и ритуальные функции определялись характерным для него действием (бить, ударять, хлестать и т.д.) и создаваемым при этом шумовым эффектом [6, с. 515]. Именно благодаря этим качествам в представлениях многих народов кнут воспринимался одним из действенных средств защиты свадебных поезжан от всякого рода inferнальных сил, которые подстерегали их на территории чужого рода. Такие представления были весьма распространены и среди чувашей. Относительно нагайки в руках жениха К.П. Проккопьев писал: «Нагайка дается для отогнания злых духов и предотвращения всяких наговоров злых людей. Когда свадебный поезд ездит из дома в дом по родным жениха, жених при въезде в каждый дом ударяет нагайкой в ворота, в косяки дверей при входе в сени и в избу, и в подушку, на котором он должен сидеть во время пиршества» [7, с. 12]. Нагайкой он также ударял крест-накрест по приданому (перине, подушкам, сундуку и др.), когда его выносили из клетки и грузили на подводы.

Рис. 1. Жених верховых чувашей в полном свадебном одеянии. Первая половина XX в. НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 32. Инв. № 192

¹ Естественно, кнутами вооружались подростки и мужчины, которые управляли лошадьми во время передвижения свадебного поезда. Однако они ими пользовались исключительно в качестве средства понукания животными. Что же касается главных свадебных персонажей, использование кнута этим не ограничивалось, так как он применялся и при других обстоятельствах (И.П.).

В таком же контексте кнут использовался дружками жениха. Всякий раз, когда они проходили в дома, где их встречали и угощали, они били по дверям и воротам своими нагайками. Для того, чтоб при ударах плетью издавался большой шум, к их рукояткам они прикрепляли маленькие колокольчики или бубенчики. Ино-

гда для издания шума во время отъезда от дома родителей невесты или выезда из ее деревни на околице стреляли из ружей. По народным представлениям, все это вместе с ружейной стрельбой, звоном колокольчиков, ударами и хлопками плетью и т.д. имело апотропейное значение, т.е. являлось эффективным средством для изгнания злых духов.

Кроме этого, дружками жениха плетки использовались в качестве средства побуждения к танцам. Во время общего веселья после встречи свадеб жениха и невесты они хлестали ими подружек невесты и таким образом заставляли танцевать. Об этом свидетельствуют слова свадебной песни:

*Алюк та пур пирён
Маюк та пур пирён.
Ташлама пёлмен хёрсене
Нухайкка та пур пирён.*

И Алюк есть у нас
И Малюк есть у нас.
Для девушек, не умеющих
танцевать,
И нагайка есть у нас [8, с. 99].

Рис. 2. Дружка жениха (*пуса каччи*), держащий в левой руке кнут. РБ, Федоровский район, с. Кирюшкино. 2003 г. Фото автора

В качестве средства очищения от действий злых сил, порчи и наговоров использовал нагайку и старший дружка (*ман кёрү*) (рис. 2).

По народным представлениям, он наделялся способностью противостоять колдовству и воздействию злых сил. Магические действия с целью защиты от них старший дружка совершал практически на всех этапах свадьбы. В начале свадьбы в присутствии всех он произносил молитву во благополучие свадьбы, заговаривал жениха и других участников свадьбы от порчи, возглавлял свадебную процессию и по мере ее передвижения в деревню невесты устранял реальные и мнимые препятствия, трижды ударял плеткой по воротам, через которые проезжал свадебный поезд, отгоняя от него злых духов. Руководствуясь такими же побуждениями, он первым заходил в дом родителей невесты. После этого он трижды посолонь обходил стол с угощениями, по ходу движения троекратным ударом плетки «очищал» места для усаживания жениха и гостей свадьбы и только после этого садился сам и приглашал к столу остальных свадебных поезжан.

Рис. 3. Свадебная нагайка (*туй пуиши*). РБ, Федоровский район, с. Новоселка. 2003 г. Фото автора

Другой достаточно архаической и специфической функцией нагайки (рис. 3) на чувашской свадьбе было его использование при ритуальном бичевании невесты. Когда молодую выводили из дома родителей, а также на околице деревни жених, сидя верхом, подъезжал к невесте и «одаривал» ее тремя достаточно ощутимыми ударами плетки: «За воротами невестина дома, если она односельская со своим суженым, а если нет, то за сельскую, или деревенскую околицу, жених подъезжает к невесте и, распахнув ее покрывало, зорко смотрит ей в лицо, а потом трижды очень плотно ударяет ее нагайкою» [2, с. 35]. Иногда удары плетью жених совершал по тарантасу или верху крытой кибитки (*күме*), на которой невеста передвигалась к дому жениха.

Удары плетью в источниках по чувашской свадьбе истолковываются по-разному. В одних из них это объясняется пожеланием, чтобы невеста забыла девичью волю и привыкала к чужой стороне, в других, чтобы от нее удалилось все дурное и плохое, в третьих – чтобы к невесте не пристал злой дух и ничего чужого более не было в их супружеской жизни. Несмотря на существование столь разнообразных толкований, исследователи пришли к выводу, что ритуальное бичевание в своей первооснове имело как очистительное, так и продуцирующее значение. Удары плетью, как они полагают, отгоняли от невесты злые силы и стимулировали ее плодovitость [6, с. 517; 9, с. 72]. Другие исследователи в указанном акте видят символ подчинения жены мужу. Эта мысль иногда проскальзывает в некоторых работах, описывающих чувашскую свадьбу [2, с. 35; 7, с. 26]. Однако, по мнению Г.С. Масловой, данную точку зрения следует рассматривать как относительно позднее переосмысление обряда в процессе его трансформации, когда в обществе утвердились патриархальные традиции [9, с. 72].

В качестве обязательного атрибута поезжан нагайка присутствовала в свадебной обрядности и других народов. Например, у русских дружка все время действовал плетью: став на лавку, хлопал ею по воздуху, потрясал ею, крестообразно помахивал – провожая и встречая свадебный поезд, крестил дорогу, бил по полу, по двери в клетки, в которую отводили молодых, по подушкам, на которые усаживал молодых и т.д. Кроме этого, дружка концом кнута снимал с невесты покрывало и подавал родственникам жениха ее подарки [9, с. 72].

Кнотом также вооружался дружка *саус* на свадьбе восточных марийцев. Как один из главных персонажей со стороны жениха, он несколько раз ударял кнотом по невесте перед благословением, перед поездкой к дому родителей жениха, а также перед проводами молодых на брачное ложе [10, с. 55, 77–78].

В качестве апотропея кнут фигурировал в обрядах свадебного цикла мордвы. Наряду с саблей или ножом его применял старший поезжанин или дружка *уредев* для «огораживания» свадебного поезда. С кнотом он также стоял в церкви во время венчания и таким образом «охранял» невесту. Кроме старшего поезжанина кноты имели провожатые невесты – *урьваля*. Один из них бросал его под ноги новобрачной, когда она подъезжала к церкви. А та, встав на

кнут, говорила: «Я пастух, а вы овцы». Если она успевала произнести эти слова, полагали, что она будет главенствовать и управлять домом. Часто кнотом на мордовской свадьбе вооружались также ряженые [1, с. 111].

С охранной и продуцирующей символикой кнут применялся в свадебной обрядности качинцев – этнографической группы хакассов. Когда жених с вином и гостинцами прибывал к родителям невесты, дядя по матери новобрачной и ее старший зять вершили над ним своего рода «суд». Они трижды стегали стоящего перед ними на коленях молодого и приговаривали: «Бью крученым кнотом, чтобы стали мы вечными родственниками! Бью витой нагайкой, чтобы стали мы крепкими родственниками! Бью длинным бичом, чтобы стали мы нераздельными родственниками! Уважай старших и почитай молодых!» В это же время старшая невестка или старшая сестра ударяла березовым прутиком по поясице молодухи и приговаривала: «Пусть не бьется у тебя посуда, пусть хорошо готовится у тебя пища!» [8, с. 100].

Таким образом, в прошлом использование кнута в свадебной обрядности чувашей было достаточно распространенным явлением. Как показывают источники, данный предмет материального быта в большей мере нес символическую нагрузку и выполнял разнообразные функции. Во-первых, он являлся атрибутом главных свадебных поезжан, в основном жениха и его дружек. Во-вторых, выступал средством их защиты от порчи, колдовства и прочих злых сил. В-третьих, использовался в некоторых обрядах с очистительной и продуцирующей семантикой.

Литература

1. Корнишина Г.А. Предметная символика мордовского свадебного обряда // Вестник угроведения. 2014. № 2 (17). С. 109–115.
2. Сбоев В.А. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях: их происхождение, язык, обряды, поверья, предания. М.: Тип. Орлова, 1865. 188 с.
3. Михайлов В.И. Обряды и обычаи чуваш. СПб.: Паровая Старопечатня П.О. Яблонского, 1891. 42 с.
4. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 152.
5. Магнитский В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры: собраны в некоторых местностях Казанской губ. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 266 с.

6. Плотникова А.А. Кнут // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 515–517.

7. Прокопьев К.П. Брак у чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1903. Т. XIX. Вып. 1. С. 1–63.

8. Афанасьева Л.А. Свадебный кнут *нухайкка* в этнолингвистическом аспекте // Чуваша Башкортостана: язык, фольклор, культура. Вып. 2. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. С. 97–101.

9. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX–начала XX в. М.: Наука, 1986. 215 с.

10. Ямурзина Л. Обряды семейного цикла мари в контексте теории перехода (на примере восточных мари): дис. ... д-ра философии по специальности этнология. Тарту: Тартуский университет, 2011. 219 с.

References

1. Kornishina G.A. The symbolic value of household items in the mordovian wedding ceremony. *Vestnik ugrovedeniya*. 2014, № 2 (17), pp. 109–115.

2. Sboev V.A. Chuvash in everyday, historical and religious relations: their origin, language, rituals, beliefs, traditions. Moscow: Tip. Orlova, 1865. 188 p.

3. Mikhajlov V.I. Rituals and customs of the Chuvashs. St. Petersburg: Parovaya Staropechatnya P.O. Yablonskogo, 1891. 42 p.

4. Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences. Otd. I. Ed. khr. 152.

5. Magnitskij V.K. Materials to explain the old Chuvash faith: collected in some localities of the Kazan province. Kazan: Tip. Imp. un-ta, 1881. 266 p.

6. Plotnikova A.A. Whip. Slavic antiquities. An ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. Vol. 2. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, pp. 515–517.

7. Prokopjev K.P. Marriage of the Chuvashs. *Izvestiya Obshhestva arkheologii, istorii i ehtnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. Kazan, 1903. Vol. XIX, issue 1, pp. 1–63.

8. Afanasyeva L.A. Wedding whip *nuhaykka* in the ethnolinguistic aspect. *Chuvashi Bashkortostana: yazyk, fol'klor, kul'tura*. Sb. nauch. tr. Vyp. 2. Sterlitamak, Sterlitamak. filial BashGU, 2017, pp. 97–101.

9. Maslova G.S. Folk clothes in the Eastern Slavic traditional customs and rituals of the XIX-early XX century. Moscow, Nauka, 1986. 215 p.

10. Yamurzina L. Rites of the Mari family cycle in the context of the transition theory (on the example of the East Mari). Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy in ethnology. Tartu, Tartuskij universitet, 2011. 219 p.

WHIP AS PART OF CLOTHING FOR MEN ATTENDING THE CHUVASH WEDDING PROCESSION: THE PURPOSE AND SYMBOLISM OF THE ITEM

© I.G. Petrov

Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Scientific Centre, RAS,
6, ulitsa K. Marksa, 450077, Ufa, Russian Federation

Among the rituals of the life cycle of the wedding ceremony is one of the clearest manifestations of traditional culture. It involves a large number of wedding officials, who had their specific duties and functions. So the traditional wedding is not by chance compared to the bright and complex ritual drama or theatrical performance.

A characteristic feature of this ritual is that the large place it occupied various magical and symbolic actions, which were aimed at guaranteeing a smooth start and completion of the wedding ceremony, a reliable protection of its members from the evil eye, damage and other impure forces, ensuring the wealth and well-being of the youngs. The roots of such magical actions leave in the depths of the millennia and have a close relationship with the oldest religious-magical views of the people. Despite the deep archaic, many of them continue to prevail at the present time, however, their original meaning is now largely forgotten and not always adequately understood and explained by modern informants and participants of the wedding ceremony. Over the centuries many of them, having lost its original meaning, has turned into a game, entertainment or amusement activity.

The purpose of this paper is to consider in the context of wedding rituals of the Chuvash rituals, functions and with semantics of a whip. Previously, this item of material life was a mandatory accessory of participants of a wedding train of the groom, especially men: the groom, older and younger buddies, as well as unmarried young man or grooms-men, who formed the retinue of the young man. On the basis of generalization of literary and archival sources it is noted that the whip in the wedding cycle Chuvash served not only utilitarian, and symbolic-services function. He has served as a attribute of the wedding of the characters played a talisman and a protection against the impure forces, was one of the main subjects for the organization and conduct those or other rites.

Key words: Chuvashs, wedding customs and ceremonies, participants of a wedding, subject and real environment, sign functions.